

УДК 82+821.161.1+2-1
ББК 83+83.3(2=411.2)+86.2
DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-16-33

Татьяна Касаткина

**Богословие Достоевского:
проблемы понимания и описания***

Tatyana Kasatkina

**Dostoevsky's Theology:
Problems of Understanding and Description**

Об авторе: Татьяна Александровна Касаткина, доктор филологических наук, зав. научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, председатель комиссии по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН, Москва.

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Аннотация: Говоря о богословии Достоевского, прежде всего нужно описать его базовые характеристики: те основания, которые по-разному, но неизменно проявляются во всем творчестве писателя: в художественных текстах, «Дневнике писателя», статьях о литературе и искусстве, политических обозрениях. Главным предметом рассмотрения Достоевского на всем протяжении его творчества является истинная природа человека, увиденного в перспективе Бога. Центральной идеей становится недопроявленность человека в его наличном бытии, в «насуточном видимо-текущем» – и потому незнание человеком себя самого, сбитость с толку, путаница в базовых ценностях, подмена иерархии ценностей. Одно из базовых противопоставлений богословия Достоевского: закон личности – закон личности на земле (бытие личности в пределах «я»): два закона бытия, основываясь на которых человек придет к противоположным целям, методам их воплощения, ценностям и жизненным результатам. И, однако, «закон личности на земле» не оказывается просто тщетным и ненужным, ошибочным и лишним состоянием. «Я» с его жесткими границами становится единственным местом, в котором может вырваться и дей-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90023 / The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-90023.

ти до высших ступеней своего развития отрицающая это «я» человеческая «личность на высшей ступени развития».

Ключевые слова: Достоевский, богословие, антропология, личность, «я», «Маша лежит на столе...», «Социализм и христианство», человек в перспективе Бога.

Для цитирования: Касаткина Т.А. Богословие Достоевского: проблемы понимания и описания // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3(7). С. 16-33.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-16-33

About the author: Tatyana A. Kasatkina, Doctor of Philological Sciences, Head of the Centre “Dostoevsky and World Culture” at the Gorky Institute of World Literature RAS, Head of the Research Committee for Dostoyevsky's Artistic Heritage within the Scientific Council for the History of World Culture RAS (Moscow).

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Abstract: The first thing to do when speaking about Dostoevsky's theology, is to describe its fundamental characteristics: those bases that constantly, although in different ways, reveal themselves in all his works (literary texts, *A Writer's Diary*, articles about literature and arts, political reviews). The main object Dostoevsky pays attention to is the real nature of man, seen in the perspective of God. His main idea comes to be man's uncomplete manifestation during his existence in the “proximate and visible in its flowing immediacy”. Therefore, man does not know himself, he is confused; he cannot detect fundamental values, and find for them the right hierarchy. One of the fundamental oppositions in Dostoevsky's theology concerns the “law of personality” and the “law of personality on Earth” (the existence of personality within the boundaries of the “I”). Depending on which of those two laws lays at the basis of his existence, man will reach opposite destinations through opposite methods, opposite values, and life goals. However, we should not think of the “law of personality on Earth” as something vain and useless, as an erroneous and superfluous condition. The “I” with its severe boundaries is the only place where a “personality in the highest state of its development”, refusing this “I”, can ripen and reach the highest state of its development.

Key words: Dostoevsky, theology, anthropology, personality, “I”, “Masha is laying on the table...”, “Socialism and Christianity”, man in the perspective of God.

For citation: Kasatkina T.A. Dostoevsky's Theology: Problems of Understanding and Description. *Dostoevsky and World Culture*, Philological journal, 2019, No 3(7), pp. 16-33.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-3-16-33

Приступая к так конкретно и прямо поставленной теме о богословии Достоевского, необходимо определить так же конкретно и прямо богословскую проблематику Достоевского – не с тем, чтобы как-то ограничить возможности ее рассмотрения и описания, конечно, а, скорее, с тем, чтобы не упустить самого главного и основного – того, о чем нельзя не сказать.

И первое, что непременно нужно сказать, прозвучит, вероятно, достаточно неожиданно: дело в том, что Достоевский в своих текстах практически совсем **не говорит о Боге**.

Он не говорит о Боге, потому что он чрезвычайно конкретен, точен и логичен на путях познания, и он не говорит о том, чего он не знает или к чему у него нет доступа благодаря строгому и последовательному логическому рассуждению. Он чрезвычайно озабочен верифицируемостью своей мысли, особенно там, где он рассуждает дискурсивно, где он не выражает свои идеи через образы, посредством создания художественного текста.

Достоевский говорит только о человеке.

Но вот о человеке он говорит практически всегда в перспективе Бога. Исключения известны – и они периодически вызывают затруднения у исследователей именно своей «недостоевскостью»¹.

Скажу сразу, что основой, базой любого рассуждения о богословии Достоевского должны быть два его не предназначенных для публикации текста: «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?» и «Социализм и христианство». Это те два текста, где Достоевский прямо описывает свое представление о человеческой природе в божественной перспективе.

Вспомним фразу молодого Достоевского, в которой он говорит о том, чем хочет заниматься в жизни: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [Достоевский, 1972-1990, т. 28₁ с. 63]². Эта фраза из письма 17-летнего Достоевского брату Михаилу – одна из наиболее популярных фраз, которыми описывается в науке о Достоевском поставленная им самому себе творческая задача на всю жизнь. Эту

¹ Одно из таких исключений – Петр Петрович Лужин в «Преступлении и наказании». О его «неформатности» для текста Достоевского и о желании искушенного читателя преодолеть эту неформатность см. [Меерсон, 2007].

² В цитатах курсив и п/ж+курсив – выделено мной, п/ж – выделено цитируемым автором. – Т.К.

фразу необходимо соединить с другой, написанной гораздо позже, чтобы очертить весь огромный ареал, на пространстве которого эта творческая задача решалась: «Главный вопрос, <...> которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь, — существование Божие...»³. Здесь очень четко видно, что Достоевский не ставит себе задачей решать вопросы о свойствах и качествах божества: он решает вопрос лишь о наличии Бога – потому что от того или иного решения этого вопроса зависит решение загадки о человеке. Но, говоря о человеке в перспективе Бога, он очень многое сумеет сказать и о Боге, познавая Его через истинную природу человека.

И еще Достоевский говорит о Христе – как о грани человека и Бога, как о человеке на грани Бога, как о Боге на грани человека. Вспомним его символ веры: «...верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что **и не может быть**» [Достоевский, 1972-1990, т. 28₁, с. 176]. Б. Тихомиров отметил, «что в так сформулированном *credo* Достоевского еще отсутствует специфический религиозный момент» [Тихомиров, 1994, с. 102]⁴. Я, обращая внимание на иное, сказала бы иначе: Достоевский здесь прорисовывает ту именно грань, за которой начинается переход человека в Бога: здесь нет ничего, недоступного для человека, как мы его знаем, но одновременно все эти доступные для человека качества описаны в их *пределе* (в математическом смысле). Достижение человеком этого предела и будет моментом радикальной трансформации.

Вспомним и другую знаменитую цитату из черновиков: «NB. Христос есть Бог, насколько Земля могла Бога явить» [Достоевский, 1972-1990, т. 24, с. 244].

За эту фразу (в числе, впрочем, многих других фраз, вынутых из контекста) современные богословы и публицисты от богословия даже объявили Достоевского еретиком. Однако они не учли того обстоятельства, что человек у Достоевского есть человек тоже ровно настолько, насколько земля в ее нынешнем состоянии могла явить человека. То есть человек – это тоже на земле нечто *недостаточно проявленное*.

³ Из письма к А.Н. Майкову от 25 марта (6 апреля) 1870 [Достоевский, 1972-1990, т. 29₁, с. 117].

⁴ См. также его работу: [Тихомиров, 2007].

Я только кратко обозначу здесь принцип, которым столь многие богословы пользуются при интерпретации богословских идей Достоевского: они вырывают небольшой кусок из контекста – и вставляют его в совсем другой контекст, к которому, по их мнению, это высказывание наиболее может относиться, на который оно, *с их точки зрения, похоже*. Нужно подчеркнуть это «похоже с их точки зрения», потому что в большинстве случаев богословы, элиминируя контекст автора, навязывают высказыванию контекст, сформировавшийся в их собственной голове, *свои ассоциации, свои проекции*, игнорируя (или ничего не зная о них и даже о самой проблеме подставления своего контекста на место авторского) филологические методы, позволяющие снять свои проекции и иметь дело именно с авторским высказыванием. Так Достоевскому навязывается, например, пелагианский⁵ или и вовсе манихейский⁶ контекст. То, что текст нужно истолковывать в его целостности и связности, то, что высказывание может получить совершенно разное значение в зависимости от того, в какой контекст оно включено, они решительно упускают из виду.

Я, однако, хочу еще раз обратить здесь внимание на то, что Достоевский и в этом случае начинает свое рассуждение оттуда, откуда только его и возможно начать, оставаясь реалистом: он никогда не отрывается в начале рассуждения от земли, не взлетает в неverifiedицируемые надзвездные выси.

Итак, главная проблема Достоевского – это *человеческая недопроявленность*, в результате которой человек скрыт от самого себя, в результате которой он оказывается загадкой для самого себя – и единственная достойная человека цель на земле, по Достоевскому, – это увидеть свои истинные масштабы и обнаружить свою истинную природу⁷.

Надо сказать, что отчетливое представление о духовной природе было уже у 16-летнего Достоевского. И это было представление о том, что духовной природе чуждо разделение, чужды жесткие границы, создающие видимый материальный мир.

⁵ См. об этом работы прот. Павла Хондзинского: [Хондзинский; Хондзинский, 2013].

⁶ См., например: [Будзалов].

⁷ Собственно, именно об этом написаны «Записки из подполья». См. подробнее: [Касаткина, 2018, с. 121-147].

Не знаю, стихнут ли когда мои грустные идеи? Одно только состояние и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слиянья неба с землею; какое же противузаконное дитя человек; закон духовной природы нарушен... Мне кажется, что мир наш – чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию. Мне кажется, мир принял значенье отрицательное и из высокой, изящной духовности вышла сатира. Попадись в эту картину лицо, не разделяющее ни эффекта, ни мысли с целым, словом, совсем постороннее лицо... что ж выйдет? Картина испорчена и существовать не может!

Но видеть одну жесткую оболочку, под которой томится вселенная, знать, что одного взрыва воли достаточно разбить ее и слиться с вечностью, знать и быть как последнее из созданий... ужасно! Как малодушен человек! [Достоевский, 1972-1990, т. 28, с. 50].

Вот эта «жесткая оболочка», настолько болезненно им в этот момент ощущаемая, и будет много позже описана Достоевским как «закон личности на земле». Он опознает постепенно эту жесткую оболочку не как покрывающую всю вселенную, отделившую материю от духа, а как сковавшую *личность* оболочку «я». То есть – не как изъян творения (что могло бы быть основанием для соотношения мировоззрения Достоевского с манихейством и гностицизмом), а как следствие грехопадения.

Мы к этому сейчас вернемся – а пока скажем, что то, что Достоевский говорит именно и только о человеке – и именно поэтому он величайший богослов, прекрасно понимали его ближайшие потомки, которым он изменил глаз и подарил другое видение себя самих.

Вот что говорит о нем Розанов:

После Лица и Книги, которых я не хочу здесь называть, ибо они *вне* человеческих сравнений, Достоевский есть самый *интимный*, самый *внутренний* писатель, так что *его* читая – как будто не *другого кого-то* читаешь, а слушаешь свою же душу, только глубже, чем обычно, чем всегда... <...> Достоевский всю жизнь пытался выразить, и иногда это ему почти удавалось (двадцать страниц, пятьдесят страниц), совершенно новое мироощущение, в каком к Богу и миру не стоял ни один человек. Это – не наука, не поэзия, не философия, наконец, это и не религия или по крайней мере не одна она, а *просто новое чувство самого человека, еще открывшийся слух его, еще открывшееся зрение его*, но зрение души и слух тоже души. <...> По

тому, что он есть «я», и притом каждого человека «я», – он встает с такою близостью, с такою теснотою к каждому, как этого вообще нет ни у одного писателя, кроме Лица и Книги, которых мы не упоминаем. И навсегда Достоевский останется поэтому наиболее «священным» из наших писателей, ибо он совершенно перешел грани литературы, отчасти разрушив их, внутренне разрушив – и передвинувшись в сторону, где вообще все полагают «священное», полагают «религиозное» в первобытном смысле <...>. Он говорил, как кричит сердцевина моей души [Розанов, 1997, с. 270-278].

До него мы не знали, скажет Вячеслав Иванов «что вера и неверие – не два различных объяснения мира или два различных руководства в жизни, но два *разноприродных бытия*. Достоевский был змий, открывший познание путей отъединенной, самодовлеющей личности и путей личности, полагающей свое и вселенское бытие в Боге» [Иванов, 1994, с. 282-283].

«Его творчество есть творчество “об Адаме, о рае, об Еве, о древе, о древней земле, о добре и о зле”» [Штейнберг, 1980, с. 9].

Важно, вслед за Вячеславом Ивановым, сказать: Достоевский в своем богословствовании о человеке занят **онтологией**, тем что **есть**, а не тем, что предполагается, не тем, что **должно быть**, и не моралью, не набором предписаний: будь таким-то. Он прекрасно и безусловно понимает бессмыслицу предложения человеку быть не тем, что он есть.

Иными словами, Достоевский не говорит человеку: «стань другим» – он говорит – ты *уже* есть не то, что ты о себе думаешь, ограничив себя привычной тебе земной природой. Он говорит человеку: «стань таким, каков ты есть на самом деле»; «прояви себя, увидь себя».

В черновых записях, примыкающих к стержневым богословским текстам Достоевского, есть запись о социалистах, помеченная значком NB: он говорит, что их теория – продукт «высшей отломленной жизни» – то есть радикальной редукции человека. «Человек отрезал себе нос и все члены, и радуется, что без них можно бы обойтись, тогда как наоборот надо бы, то есть стремиться дать развитие всем отрезанным членам» [Достоевский, 1972-1990, т. 20, с. 194]. То есть, видение себя человеком лишь в пределах «насущного видимо-текущего» не есть видение реального своего размера, из которого Достоевский призывал бы вырасти, но есть самоискалечение; есть отрицание и отторжение уже наличествующих членов, которые

ощущаются человеком как лишние и ненужные в рамках той действительности, которую он способен на данный момент воспринять.

Достоевский математически доказывает бытие Бога через раскрытие истинной природы человека. Ход его мысли в «Записках из подполья», написанных одновременно с «Маша лежит на столе» и «Социализм и христианство», таков: предположим, что я – то, что я есть очевидно для себя и других. Зачем мне тогда тоска, устремленность, почему я схожу с ума от полностью обеспеченной в земных пределах и потребностях жизни? Почему я люблю процесс – и никогда не удовлетворяюсь результатом? Почему моему стремлению нет конечного пункта в земных пределах? Почему любая цель в земных пределах оказывается обманкой? Куда мне девать мои лишние члены? Если они у меня есть – значит, есть реальность, в которой они будут функциональны.

Достоевский ведет доказательство от противного: если у человека есть части, которые не вмещаются в представление о его здешней природе, которые оказываются в нынешнем его существовании для него избыточными, – это значит, что у человека другая природа. Это значит, что человек не может и не должен рассматривать себя в том ограниченном объеме, в каком он только и может увидеть себя здесь на земле.

И вот, когда мы говорим о черновых записях «Маша лежит на столе...» и «Социализм и христианство», то главная проблема, которую там ставит Достоевский, главная антиномия, через которую он сможет раскрыть истинную природу человека – это соотношение «я» и «все».

Я уже много говорила об обоих текстах, поэтому сейчас мы сосредоточимся на самом существенном, на том, о чем нельзя не сказать. Прежде всего, скажем о том, что самое начало «Маша лежит на столе...» дает нам отчетливое видение той точки, из которой Достоевский начинает свое богословие. Он начинает его с того единственного места Евангелия, где что-то существенное сказано о другой человеческой природе: с *положительной* заповеди. Ветхозаветные заповеди ведь в большинстве своем – отрицательные. Но есть две положительные, которые и переходят в новый завет. И заповедь, которая в сущности – и с точки зрения Достоевского – покрывает все остальные: «Возлюби ближнего своего как самого себя»⁸.

⁸ Достоевский в «Сне смешного человека» записывает эту заповедь без запятой, которая присутствует в русских переводах Евангелия, в том числе – в каторжном Евангелии Достоевского – и это важно. В Евангелии на церковнославянском запятая отсутствует.

Достоевский начинает с того, что говорит о невозможности исполнения этой заповеди на земле. Это – презумпция для всего рассуждения: «Возлюбить человека, **как самого себя**, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. **Я** препятствует» [Достоевский, 1972-1990, т. 20, с. 172]. Здесь нужно сказать о важности очень внимательного чтения текста Достоевского, потому что если мы, например, неправильно определим, каким членом предложения является то или иное слово, то мы не поймем, что здесь сказано. Как правило, «Закон личности на земле связывает» читают так, что «на земле» оказывается обстоятельством места. Но у Достоевского это определение, относящееся к слову «личность». То есть – связывает закон *личности на земле*, потому что вообще у личности – совсем другой закон. Таким образом, есть *два* закона личности: тот закон, который нам известен, закон *личности на земле*, и тот закон личности, который нам неведом, и который мы можем узнать лишь, опираясь на данную заповедь.

Закон личности на земле – это существование в рамках «я». Поэтому: «Закон личности на земле связывает. **Я** препятствует». «Я» оказывается тем местом, в котором только и может существовать личность на земле.

Отсюда следуют сразу несколько вещей, которые дальше и раскроются и в «Маша лежит на столе...» и в «Социализме и христианстве».

Прежде всего, из этого следует, что «я» не есть некое тщетное, ненужное, непродуктивное состояние личности, как это можно было бы понять, если свести текст к простым антиномиям: «я» – плохо, «личность» – хорошо, поскольку в перспективе «мы будем – лица, не переставая сливаться со всем» [Достоевский, 1972-1990, т. 20, с. 174]. Существовать в этих границах «я», в той жесткой ограниченности и отделенности, о которой Достоевский плачет уже в 16 лет – плохо.

В «Социализме и христианстве» Достоевский с еще большей, чем в «Маша лежит на столе», отчетливостью скажет: нет, не плохо, хотя и тяжело. Это естественное состояние, которое необходимо прожить. Закон *личности на земле* – это закон личности, которая должна *вызревать* в рамках «я». Личность нигде не может создаться на земле, кроме как в этих жестких, неудобных, неадекватных, постоянно доставляющих страдание рамках «я».

В «Социализме и христианстве», где речь идет о трех этапах развития человечества: 1. исходное *все*, 2. «я» и 3. вольное *все*, – Достоевский о человеке, уже отстраненном от общего ствола, и еще не прилепившемся, не вошедшем своей волей в другое новое единство, как раз и будет говорить как о современном *срединном* состоянии человечества, которое наиболее доступно нам в собственном опыте. Это состояние «я», с одной стороны, постоянно причиняет страдания, поскольку стесняет то, что в ней растет, так же как скорлупа стесняет цыпленка, делает практически невозможной для него любое движение, сминая его в единственной ему доступной позе. Цыпленку в скорлупе неудобно и неловко, но если мы начнем его выковыривать раньше времени из скорлупы, то цыпленок просто погибнет.

Таким образом, закон личности на земле не есть то, что нужно отвергнуть и уничтожить, что нужно превзойти любыми средствами как можно быстрее. Это нечто, в чем требуется дозреть. Дозревание личности внутри яйца «я» и есть то дохождение личности до высших ступеней своего развития, о котором Достоевский скажет еще в «Зимних заметках о летних впечатлениях»⁹.

Итак, во-первых, личность, способная принимать решение о своем вольном привитии к любому сообществу, в том числе – к небесной маслине, нигде не зачинается, кроме как в состоянии «я». Таким образом, это «мы будем...» Достоевского, высказанное в «Маша лежит на столе» – не призыв, а просто свидетельство того, каким вылупится цыпленок из яйца, свидетельство того, каков он уже есть в яйце – и объяснение того, почему ему там так неудобно.

Во-вторых, личность – то, что не уничтожается при переходе в новое состояние *все*, не элиминируется из окончательного состояния человечества в его божественной перспективе («Мы будем –

⁹ «Что же, скажете вы мне, надо быть безличностью, чтобы быть счастливым? Разве в безличности спасение? Напротив, напротив, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности. Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы; к этому тянет нормально человека» [Достоевский, 1972-1990, т. 5, с. 79].

лица, не переставая сливаться со всем»), не исчезает из перспективы бытия, описанной как «Бог будет все во всем» (1Кор. 15:28); личность – это то, что только и может *впервые* создать это *все*.

Дело в том, что у Достоевского довольно необычная идея человечества как единого организма. Для него это организм, но совсем другого рода, не тот, о котором мы привыкли думать в этом качестве, не тот, идея которого, обновленная О. Контом, в XIX веке активно присутствовала в сознании современников Достоевского, не тот, против которого жестко протестовал Л.Н. Толстой, со свойственной ему моральной прямоотой (но и прямолинейностью), со стремлением к постановке вопросов «у стены», в своей работе «Так что же нам делать?»¹⁰, утверждая, что идея человечества как организма – очередная идея в ряду прежних идей, обеспечивающих оправданием человеческое безделье и хищничество по отношению к себе подобным. Ибо если мы представляем человека как члены организма, то мы сразу закладываем в это видение идею человеческого неравенства и неравноценности: у организма есть мозг, рот, есть глаза и уши, а есть пальцы – и вообще сменяющиеся без повреждений для организма волосы и ногти. В организме, увиденном так, главный принцип – принцип *обслуживания* (не *служения*, это важно!) «второстепенными» органами других органов, более ценных¹¹.

Достоевский говорит о совсем другом типе того, что тоже можно назвать «организмом». «Мы будем – лица» прежде всего значит, что мы – не члены тела. Мы – не обслуживаем сообща некое единое Лицо, но каждый из нас – лицо общего тела, каждый – смысловой центр, осваивающий общий чувственный опыт.

Интересно, что Достоевский (как, впрочем, почти всегда получалось в их диалоге), заранее (1880) отвечает Толстому на его возмущение (1884).

¹⁰ «Теория эта такова: все человечество есть неумирающий организм, люди – частицы органов, имеющие каждый свое специальное призвание для служения целому. Точно так же, как клеточки, слагаясь в организм, разделяют между собой труд для борьбы за существование целого организма, усиливают одну способность и ослабляют другую и слагаются в единый организм, чтобы лучше удовлетворять потребности целого организма <...> – точно то же происходит и в человечестве и человеческих обществах. И потому, чтобы найти закон жизни человека, нужно изучать законы жизни и развития организмов» [Толстой, 1983, с. 319].

¹¹ На самом деле, и в организме, увиденном как разнообразие членов, самыми работающими на всех, самыми полезными будут самые «важные» органы. И это невозможно игнорировать. Именно поэтому главный аргумент Толстого – отрицание того, что человечество можно рассматривать как организм.

Толстой пишет: «Я пришел к тому простому и естественному выводу, что если я жалею ту замученную лошадь, на которой я еду, то первое, что я должен сделать, если я точно жалею ее, это – слезть с нее и идти своими ногами. <...> Мы ходим по нужде в комнатах, хотим, чтобы другие выносили за нами, и притворяемся, что мы очень страдаем за них, и хотим облегчить их дело, и придумываем всевозможные хитрости, только не одну, самую простую – самому выносить, если хочешь ходить в горнице» [Толстой, 1983, с. 279].

Отвечая Градовскому, хотя кажется, что Толстому, в «Дневнике писателя» 1880 года, Достоевский напишет:

Представьте, что в будущем обществе есть Кеплер, Кант и Шекспир: они работают великую работу для всех, и все сознают и чтут их. Но некогда Шекспиру отрываться от работы, убирать около себя, вычищать комнату, выносить ненужное. И поверьте, непременно придет к нему служить другой гражданин, сам пожелает, своей волей придет и будет выносить у Шекспира ненужное. Что ж он будет унижен, раб? Отнюдь нет. Он знает, что Шекспир полезнее его бесконечно: “Честь тебе и слава, – скажет он ему, – и я рад послужить тебе; хоть каплей и я послужу тем на общую пользу, ибо сохраню тебе часы для великого твоего дела, но я не раб. Именно сознавшись в том, что ты, Шекспир, выше меня своим гением, и придя к тебе служить, я именно этим сознанием моим и доказал, что по нравственному достоинству человеческому я не ниже тебя нисколько и, **как человек**, тебе равен”. Да он и не скажет этого тогда, уже по тому одному, что и вопросов таких тогда не возникнет вовсе, да и немислимы они будут. Ибо все будут воистину новые люди, Христовы дети, а прежнее животное будет побеждено [Достоевский, 1972-1990, т. 26, с. 163-164].

(Это «Христовы дети», как легко понять, есть печатный и подцензурный вариант любимой идеи Достоевского «все Христы»¹².) У Достоевского этот «другой гражданин» приходит

¹² Это «все Христы» – лейтмотив черновики к «Бесам», появляющееся в разных вариантах, но всегда как *единственно возможный способ осуществления реальных социальных преобразований*: «...жертвовать и жертвовать, тогда все взаимно и будут счастливы, ибо предположить, что все Христы» [Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 106]; «Если б представить, что все Христы, то мог ли быть пауперизм? В христианстве даже и недостаток пищи и топлива был бы спасением (можно не умерщвлять младенцев, но самому вымирать для брата моего)» [Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 182]; «Христианство компетентно даже

к Шекспиру не как обслуживающий персонал, но как помогающий заботливый брат, не как функция, но как лицо. Он придет к нему в первую очередь со своим лицом – и лишь во вторую – со своими руками.

Таким образом, идея Достоевского о том, что человек на земле есть существо принципиально недооформленное и заключенное в неподходящие ему границы, из которых его, однако, не надо стремиться извлечь как можно быстрее внешним воздействием, а в которых ему придется находиться до тех пор, пока он будет дозревать – свободно дозревать до идеи нового соединения, – она и будет центральной, осевой идеей всех его великих романов.

Человек принципиально есть на земле существо только *проходящее* свой путь, но *не доходящее* до его конца в земных границах. «Но если эта цель окончательная человечества (достигнув которой ему не надо будет развиваться, то есть достигать, бороться, прозревать при всех падениях своих идеал и вечно стремиться к нему, то есть, стало быть, не надо будет жить) – то, следственно, человек, достигая, оканчивает свое земное существование. Итак, человек есть на земле существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, а переходное» [Достоевский, 1972-1990, т. 20, с. 172-173]. Отсюда: **все – дитё**. И поэтому – в силу принципиальной невозможности достижения цели – человеческая жизнь так похожа на детскую игру, столь же ориентированную на процесс и изменения в процессе – а не на результат (не важно, чего ты достигнешь – важно, что случится с тобой и как оно тебя изменит).

Последнее, о чем нельзя не сказать – это об идее страдания как способе обретения счастья у Достоевского, ибо она становится по-настоящему понятна только как звено в цепи предыдущих рассуждений.

Одно из наиболее ярких выражений этой идеи – черновая запись к роману «Преступление и наказание»:

спасти весь мир и в нем все вопросы (если все Христы...)» [Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 188]; «Вообразите, что все Христы, – ну возможны ли были бы теперешние шатания, недоумения, пауперизм? Кто не понимает этого, тот ничего не понимает в Христе и не христианин. Если б люди не имели ни малейшего понятия о государстве и ни о каких науках, но были бы все как Христы, возможно ли, чтоб не было рая на земле тотчас же?» [Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 193]; «Вот тут труд всеобщий (если б все были Христы) проявился бы с радостным пением, но не афинских вечеров» [Достоевский, 1972-1990, т. 11, с. 192-193].

«ИДЕЯ РОМАНА. 1 ПРАВОСЛАВНОЕ ВОЗЗРЕНИЕ, В ЧЕМ ЕСТЬ ПРАВОСЛАВИЕ.

Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом, – есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания.

Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием.

Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание (т.е. непосредственно чувствуемое телом и духом, т.е. жизненным всем процессом) приобретается опытом *pro* и *contra*, которое нужно перетаскать на себе» [Достоевский, 1972-1990, т. 7, с. 154-155].

В более позднем – и опубликованном, а не предназначенном лишь для себя – тексте Достоевский будет различать *страдание* и *мученичество* – и они будут путем не к счастью, а к истине (что, впрочем, полагаю, для Достоевского одно и то же, но доказательство сего выходит за рамки данной статьи).

Вот текст апрельского «Дневника писателя» за 1877 год:

<...> истина покупается лишь **мученичеством**. Миллионы людей движутся и **страдают** и отходят бесследно, как бы предназначенные никогда не понять истину. Они живут чужою мыслию, ищут готового слова и примера, схватываются за подсказанное дело. Они кричат, что за них авторитеты <...>. Они свистят на несогласных с ними, на всех, презирающих лакейство мысли и верящих в свою собственную <...> самостоятельность. И что же, на самом-то деле эти массы кричащих людей предназначены послужить собою лишь косным средством для того, чтоб разве единицы лишь из них приблизились к истине или по крайней мере получили бы о ней хоть предчувствие [Достоевский, 1972-1990, т. 25, с. 95].

Чем же различаются здесь страдание и мученичество?

Страдание – это переживание человека, пытающегося притерпеться к неудобной форме. Это страдание личности внутри «я» – того самого «я», которое принципиально не соответствует, не конгруэнтно личности, которое давит, сжимает, ограничивает, обрезает – и так далее. Но человек пытается притерпеться к этому типу бытия – и процесс претерпевания и будет страданием. Человек ощущает это несоответствие как естественный и единственный спо-

соб бытия и пребывания на земле. Страдание – это претерпевание привычного.

А вот мученичество – это радикальный выход за пределы и радикальный разрыв привычного. Мученичество – это процесс выхода за собственные границы, это выворачивание себя наизнанку, нутром в мир; в перспективе мученичество венчается идеей «душу свою положить за други своя». Как известно, «нет больше той любви» – причем, неважно, человек кладет душу свою за други своя в процессе мгновенного гибельного подвига – или в течение всей жизни постепенно отдает ее всякому нуждающемуся (такой тип самоотдачи описан в «Дневнике писателя» в истории доктора Гинденбурга).

Мученичество – и есть выход личности за рамки того «я» (тех сковывающих – но и защищающих – оболочек), которое эту личность взрастило. Личность эта теперь с мучением разрывает и раздвигает эти границы и приобретает новое качество и новый способ существования.

При этом, если в «Маша лежит на столе...» Достоевский говорит о том, что идея «мы будем – лица, не переставая сливаться со всем» достижима лишь при окончании существования на земле, только по завершении развития внутри «я», которое, будучи законом личности на земле, не выпускает из себя личность в течение всего земного срока, то дальше – причем, начиная уже с «Социализма и христианства», а наиболее отчетливо в «Сне смешного человека» и в «Братьях Карамазовых» он будет говорить о том, что обретение своей истинной природы доступно человеку на земле. Одно из главных итоговых заключений «Сна смешного человека»: «я видел Истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле»¹³.

Заметим, что *красота* для Достоевского, это и есть достижение своей второй, истинной природы в ее полноте. Красота – это уничтожение нянчащих, но одновременно и сковывающих личность рамок «я», уничтожение «строительных лесов» закона личности на земле.

А истина для него не противоречива (как нам часто представляется, отчасти из-за недопонятой бахтинской идеи «полифонии») – для него Истина **субъектна**. Истина – это личность на высшей ступени

¹³ В силу важности здесь прописной буквы, не сохраненной в советском издании, цит. по: [Достоевский, 2004, с. 129]. См. также статью: [Тарасова, 2007].

развития, превращаясь в изобильный источник самоотдачи, растворившая в себе все жесткие оболочки, открывшаяся во все стороны, каждому жаждущему.

Список литературы

1. Буздалов – Буздалов А. Толкование искушений Христа у Достоевского. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/10/9/tolkovanie_iskushenij_hrista_u_dostoevskogo/ (дата обращения: 18.06.2019)
2. Достоевский, 1972-1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.
3. Достоевский, 2004 – *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 9 томах / Подгот. текстов, сост., примечания, вступительные статьи, комментарии председателя Комиссии по изучению творчества Ф.М. Достоевского ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, д. филол. н. Татьяны Александровны Касаткиной. Дневник писателя. М.: Астрель-АСТ, 2004. Т. 9. Кн. 2. 528 с.
4. Иванов, 1994 – *Иванов В.И.* Достоевский и роман-трагедия (1911) // Вячеслав Иванов. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 282-336.
5. Касаткина, 2018 – *Касаткина Т.А.* «Записки из подполья» и «Маша лежит на столе...»: Опыт медленного чтения в ближайшем контексте // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. М.: ИМЛИ РАН, 2018. № 1. С. 121-147.
6. Меерсон, 2007 – *Меерсон О.* Набоков – апологет: защита Лужина или защита Достоевского? // Достоевский и XX век / Под ред. Т.А. Касаткиной. В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 358-381.
7. Хондзинский – *Павел Хондзинский, протоиерей.* Достоевский как «учитель Церкви». URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/450438/> (дата обращения: 18.06.2019)
8. Хондзинский, 2013 – *Павел Хондзинский, протоиерей.* «Чистая любовь» в поучениях старца Зосимы // Достоевский и мировая культура. 2013. № 30. Ч. I. С. 423-440.
9. Розанов, 1997 – *Розанов В.В.* Чем нам дорог Достоевский? (1911) // Властитель дум. Ф.М. Достоевский в русской критике конца XIX – начала XX века. СПб.: Художественная литература, 1997. С. 270-278.
10. Тарасова, 2007 – *Тарасова Н.А.* Значение заглавной буквы в наборной рукописи рассказа «Сон смешного человека» («Дневник писателя» Ф. М. Достоевского за 1877 год) // Русская литература. 2007. № 1. С. 153-165. URL: https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204025855&archive=1206184915&start_from=&ucat=& (дата обращения: 18.06.2019)
11. Тихомиров, 2007 – *Тихомиров Б.Н.* Дискуссионные вопросы интерпретации христианского мировоззрения Достоевского в свете работ в.в. Зеньковского // Достоевский и XX век / Под редакцией Т.А. Касаткиной. В 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 199-216.
12. Тихомиров, 1994 – *Тихомиров Б.Н.* О «христологии» Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 11. СПб.: Наука, 1994. С. 102-122.

13. Толстой, 1983 – *Толстой Л.Н.* Так что же нам делать? // Л.Н. Толстой. Собр. соч.: в 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 16. С. 166-399.
14. Штейнберг, 1980 – *Штейнберг А.З.* Система свободы Достоевского. Париж: YM-CA-Press, 1980. 145 с.

References

1. Buzdalov A. *Tolkovanie iskushenii Khrista u Dostoevskogo* [Interpretations of Christ and Dostoevsky's temptations]. Available at: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2014/10/9/tolkovanie_iskushenij_hrista_u_dostoevskogo/ (access date: 18.06.2019) (In Russ.)
2. Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972-1990. (In Russ.)
3. Dostoevskii F.M. *Sobr. soch.: v 9 tomakh* [Works: in 9 vols.], ed., comm., prefaced by the Head of the Research Committee for Dostoyevsky's Artistic Heritage (IMLI), Dostor of Philological Sciences T.A. Kasatkina. *Dnevnik pisatel'ia* [A Writer's Diary]. Moscow, Astrel'-AST Publ., 2004. Vol. 9. Book 2. 528 p. (In Russ.)
4. Ivanov V.I. *Dostoevskii i roman-tragediia (1911)* [Dostoevsky and Tragedy Roman]. *Viacheslav Ivanov. Rodnoe i vselenskoe* [Native and Universal]. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 282-336. (In Russ.)
5. Kasatkina T.A. "Zapiski iz podpol'ia" i "Masha lezhit na stole...": Opyt medlennogo chteniia v blizhaishem kontekste [Notes from the Underground and Masha is Lying on the Table...: Experience of slow reading in the closest context]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*, Philological journal, 2018, No 1, pp. 121-147. (In Russ.)
6. Meerson O. Nabokov – apologet: zashchita Luzhina ili zashchita Dostoevskogo? [Nabokov as an apologist: Luzhin's or Dostoevsky's defense?]. *Dostoevskii i XX vek* [Dostoevsky and the 20th century], ed. by T.A. Kasatkina. In 2 vols. Moscow, IMLI RAN Publ., 2007, vol. 1, pp. 358-381. (In Russ.)
7. Pavel Khondzinskii, protoierei. *Dostoevskii kak "uchitel' Tserkvi* [Dostoevsky as 'the Father of Church']. Available at: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/450438/> (accessed at: 18.06.2019) (In Russ.)
8. Pavel Khondzinskii, protoierei. "Chistaia liubov" v poucheniakh startsa Zosimy' ["Pure live" in Starets Zosima's preachings]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura*, 2013, No 30, pt. I, pp. 423-440. (In Russ.)
9. Rozanov V.V. Chem nam dorog Dostoevskii? (1911) [Why is Dostoevsky dear to us?]. *Vlastitel' dum. F.M. Dostoevskii v russkoi kritike kontsa XIX – nachala XX veka* [Reagent of our dreams. F.M. Dostoevsky in Russian critics of the end of the 19th – beginning of the 20th c.]. St. Petersburg, Khudozhestvennaia literatura, 1997, pp. 270-278. (In Russ.)
10. Tarasova N.A. Znachenie zaglavnoi bukvy v nabornoj rukopisi rasskaza "Son smeshnogo cheloveka" ("Dnevnik pisatel'ia" F. M. Dostoevskogo za 1877 god) [The meaning of the capital letter in the typeset of the story "The Dream of A Ridiculous Man" (Dostoevsky's A Writer's Diary, 1877)]. *Russkaia literatura*, 2007, No 1, pp. 153-165. Available at: https://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1204025855&archive=1206184915&start_from=&ucat=& (access date: 18.06.2019) (In Russ.)

11. Tikhomirov B.N. Diskussionnye voprosy interpretatsii khristianskogo mirovozzreniia Dostoevskogo v svete rabot V.V. Zen'kovskogo [Controversial issues of interpretation of Dostoevsky's Christian worldview in the context of V.V. Zavadovsky's works]. *Dostoevskii i XX vek* [Dostoevsky and the 20th century], ed. by T.A. Kasatkina. In 2 vols. Moscow, IMLI RAN Publ., 2007, vol. 1, pp. 199-216. (In Russ.)

12. Tikhomirov B.N. O "khristologii" Dostoevskogo [About Dostoevsky's Christology]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Is. 11. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 102-122. (In Russ.)

13. Tolstoi L.N. Tak chto zhe nam delat'? [What is to be done?]. *L.N. Tolstoi. Sobr. soch.: v 22 t.* [Works: in 22 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1983, vol. 16, pp. 166-399. (In Russ.)

14. Shteinberg A.Z. *Sistema svobody Dostoevskogo* [Dostoevsky's freedom system]. Parizh, YMCA-Press Publ., 1980. 145 p. (In Russ.)